

Саньютэй Энте. Пионовый фонарь

ГЛАВА I

Еще когда Токио называли Эдо, одиннадцатого апреля третьего года Кампо в Юсимском храме было торжество в честь достойной памяти принца Сётоку. Богомольцев сошлось к храму великое множество, и толкотня была страшная. Неподалеку, в третьем квартале Хонго, была тогда лавка оружейника по имени Фудзи-мурая Симбэй. Возле выставленного в лавке доброго товара остановился один самурай. По внешности было ему года двадцать два, с лица он был белый, брови красивые, взгляд прямой и смелый, как у человека с несколько запальчивым нравом, волосы уложены строго и аккуратно. Одет он был в прекрасное хаори и отличные хакама, а обут в кожаные сандалии. Его сопровождал слуга в голубой короткой куртке хаппи, подпоясанный нарядным поясом, с деревянным мечом, обшитым медью. Поглядев на выставленные мечи, самурай сел перед ними и сказал:

— А ну, хозяин, покажи-ка вон тот меч с черной рукоятью и с гардой из старого заморского железа... шнур у него не то черный, не то синий... Кажется, добрый клинок.

— Сию минуту,— с готовностью отозвался хозяин. — Эй, кто там, подать господину чай!.. Нынче у нас в храме торжество, народ валом валит, вы, верно, совсем замучились от пыли...— Он обтер меч. — Вот здесь отделка немного попорчена.

— Действительно попорчена, — согласился самурай.

— Зато клинок, как сами изволите видеть, хоть куда. Он вас не подведет, если будет у вас за поясом. Товар отменный, что и говорить, из хороших рук вышел... Да вот извольте сами взглянуть.

С этими словами хозяин протянул меч самураю, и тот принялся его разглядывать. В старину, когда самурай, выбирая себе в лавке оружие, вытягивал его из ножен прямо тут же, на улице, лучше было держаться от него подальше. Что уж тут хорошего, если молодой горячий воин, распалившись душой, принимается всю размахивать обнаженным мечом. Но наш самурай был настоящим знатоком оружия. Ему даже не нужно было пробовать клинок на изгиб, чтобы определить, не пережжена ли сталь. Он

прежде всего прикинул, как меч будет выглядеть за поясом, попробовал острое, осмотрел головку рукояти и все прочее — словом, сразу было видно, что он из господ хатамото, а не из каких-нибудь простых самураев.

— Да,— сказал он, — вещь, кажется, весьма хорошая. Бидзэнской работы, так ведь?

— Ну и глаз у вас! — воскликнул хозяин. — Я просто в восхищении! Мы, оружейники, тоже считаем, что это меч работы Тэнсё Сукэсады. К великому сожалению, в те времена он не ставил своего клейма на изделиях.

— И сколько ты за него хочешь, хозяин? — спросил самурай.

— Спасибо, господин,— ответил хозяин. — Запрашивать я не буду. Цена этому мечу была бы очень большая, если бы на нем, как я только что говорил, было клеймо. Но ничего не поделаешь, клейма нет, и я уступлю вам меч за десять золотых.

— Как? — удивился самурай. — Десять рё? Что-то очень уж дорого. А не уступишь ли за семь с половиной?

— Да ведь я тогда останусь в убытке! Он мне самому достался не дешево...

Пока они усердно торговались, какой-то пьяница за спиной самурая вдруг сцепился с его слугой. Схватив слугу за шиворот, он заорал: «Т-ты как смеешь?..» — пошатнулся и упал, шлепнувшись задом о землю. Затем он кое-как поднялся на ноги, исподлобья грозно уставился на слугу и, взмахнув кулаками, принялся его колотить. Слуга терпеливо сносил побои, понимая, что тот дерется спьяна. Он уперся руками в землю и нагнул голову, бормоча извинения, однако пьяница его не слушал, свирепел все больше и бил все сильнее. Самурай, видя, что избивают его слугу Тоскэ, очень удивился, вежливо поклонился пьяному и сказал:

— Я не знаю, какое невежество позволил себе мой слуга, по прошу у вас за него извинения. Простите его, пожалуйста.

— Так этот болван — твой слуга? — вскричал пьяный.

— Грубый нахал, мерзавец! Раз уж сопровождаешь самурая, должен, само собой, быть подле него и вести себя тише воды ниже травы! А он что? Расселся тут возле этой вот пожарной бочки, загородил всю улицу, — ни пройти, ни проехать... Пришлось, конечно, ему всыпать!

— Я вас очень прошу, — сказал самурай, — простите этого тупицу. Я сам прошу у вас прощения вместо него.

— Иду это я себе,— продолжал пьяный, — и вдруг — бац! — натыкаюсь. Что такое, думаю, собака, что ли? А тут, оказывается, холуй этот вытянул ноги на всю улицу, а я, изволите видеть, всю одежду из-за него в пыли вывалял! Ах ты, думаю, невежа, нахал! Как ему начал давать... Может, скажешь, нельзя? А ну, подай мне его сюда, я ему еще добавлю!

— Примите во внимание, — терпеливо сказал самурай, — это же тупой и невежественный человек, все равно что собака. Пожалуйста, простите его.

— Вот тебе и на! — завопил пьяный. — Впервые такое слышу! Да где это видано, чтобы самурай разгуливал с собакой? А раз он у тебя все равно что собака, так отдай его мне, отведу его домой и накормлю крысиным ядом... Нет, как ты там ни проси, не будет ему моего прощения. Ведь как хозяин должен просить прощение за невежество своего слуги? Как положено, уперев руки в землю и низко кланяясь, и приговаривать при этом: «Признаю свою вину, очень виноват...» А ты что? Кто же просит прощения с мечом в руке? Самураи так не поступают. Ты уж не рубить ли меня собрался?

— Да нет же,— сказал самурай, — я покупаю этот меч и как раз осматривал его, когда вы схватились со слугой, вот и все.

— А мне что до этого? — сказал пьяный. — Какое мне дело, покупаешь ты или нет?

Пьяница бранился, самурай все пытался его образумить, а в толпе зевак, что собрались вокруг них на улице, говорили:

— Ну, сейчас подерутся...

— Что, драка?

— Ух ты, оба же самураи, быть беде...

— А из-за чего это они?

— Да очень просто, ругаются, кому покупать меч, а кому не покупать... Вон тот пьяный самурай приценился первым, да цена высокая, купить не смог, а тут подходит этот молодой самурай и тоже стал прицениваться, ну пьяный и рассвирепел... Как, мол, смеешь, не спросясь меня, прицениваться к вещи, которую я сам хочу купить... Тут все и началось.

— Да совсем не так это было. Здесь ссора из-за собаки. Ты, мол, отравил крысиным ядом мою собаку, так отдавай мне свою, я ее тоже отравлю... Ссоры из-за собак исстари ведутся. Возьмите, к примеру, Сираи Гомпати. С ним вся эта буча началась после драки за собаку.

— И вовсе не так. Эти самураи — родственники, дядя и племянник. Вон тот, красномордый и пьяный, это дядя, а молодой красивый самурай — его племянник. А ссорятся они потому, что племянник не дает дяде карманных денег.

— Да нет же, просто вора поймали.

— Этот пьяница живет в подворье храма Маруяма Хоммёдзи, — сказал тут один человек. — Прежде он был в вассалах князя Коидэ, но потом сбился с пути, пьянствует и развратничает. Иной раз бродит с мечом наголо по городу, пугает людей, безобразничает. А то ввалится в харчевню, нальется водкой, набьет брюхо закусками, а за деньгами, говорит, приходите ко мне в подворье Хоммёдзи. Зовут этого бесчестного самурая Курокава Кодзо, он привык всюду жрать и пить бесплатно и к молодому самураю, видно, пристал, чтобы тот купил ему водки.

— Вот оно что! Ну, другой на его месте давно уже зарубил бы этого пьяницу, да молодой самурай на вид что-то немощный, где уж ему рубить!

— Что вы, просто он не умеет фехтовать. Самурай, если он не умеет фехтовать, всегда трус.

Говорилось это все вполголоса, но некоторые слова дошли до ушей молодого самурая. Он так и затрясся от ярости, лицо его покраснело, будто залитое киноварью, на лбу вспухли голубые жилы. Он подошел к пьянице вплотную и сказал:

— Итак, несмотря на все мои извинения, вы не желаете покончить дело миром?

— Заткнись! — заорал пьяный. — Напугал, тоже мне! Ай-яй-яй, как же это вы, ваша милость, такой великолепный самурай — не знаю только, прямой ли вы вассал дома сёгуна или изволите принадлежать к какому-нибудь иному могучему клану, — как же это вы унизились до презрения к бедному ронину? Ну а если я и не желаю покончить дело миром, что ты сделаешь? — И с этими словами он харкнул молодому самураю прямо в лицо. Тут уж терпение молодого самурая окончательно лопнуло. Лицо его исказилось гневом.

— Подлая тварь! — закричал он. — Ты посмел плюнуть в лицо самураю? Ну ладно, я был с тобой учтив, я хотел разойтись с тобой по-хорошему. Но хочешь? Получай!

Рука его рванулась к рукоятке бидзэнского меча. Миг — и блестящее лезвие сверкнуло перед самым носом пьяницы. Толпа зевак испуганно раздалась. Никто не ожидал, что этот слабый на вид юноша обнажит меч. Словно осенние листья под ветром, все бросились врассыпную, вопя и причитая, спеша укрыться в домах и переулках. Торговцы поспешно позакрывали свои лавки, и кругом воцарилась тишина. Один лишь оружейник Фудзимурая, которому бежать было некуда, ни жив ни мертв остался сидеть на месте.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К.
Крупской

по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66